

Людмила ЛЫНДЮК,
поэт, журналист, член НСЖУ
(г. Харьков)

С. ШЕЛКОВЫЙ. «НА КОРДОНЕ». СИНУСОИДЫ ПРЕОБРАЖЕНИЙ

Вглядываясь и вслушиваясь в лирическую поэзию С. К. Шелковского, невольно ловишь себя на мысли о бесконечной красоте и ветвистости изображенного им мира, о совершенно подлинном его обличьи, о блеске и очаровании художественных образов, яркости поэтических красок, словно небесами посланных автору книги «На кордоне».

Не заикливаясь на теоретических сомнениях, смело выходя за пределы общепринятых мотивов, поэт не напряженно, но легко и изящно, казалось бы, порою абсолютно неожиданными мазками, рисует нашу далеко не идеальную нынешнюю действительность. При этом он остается лириком в самом истинном значении этого понятия. Книга поэзии С. Шелковского «На кордоне» написана в рубежные годы двух веков и двух тысячелетий. И уже само название сборника говорит о многом.

Вчитаемся в стихи первой главы «Сей, сия, сие», где попытки понять происходящее, поиски *человеческого*, обострённые разрушением огромной страны, искалеченностью несметного числа людских судеб, выливаются в печально-ироническую строку: «Должно же быть нечто, помимо дороги в дурдом!» В экспрессивном духе первое стихотворение «Дитя непропащее. Неоскверненное имя...» без прикрас говорит о том, что *н е м а я* Ойкумена поэта, «выбравшая имя души», *б о л и т*, словно открытая рана, живёт «во вздыбленных камнях», «родственно вскрикивает новорожденной птицей». Чёткий, слаженный слог, богатство рифм, метафорическое своеобразие выражены системой мелодической организации — четырёх- и пятидольник-переменник.

Константа метра стихов — преимущественно от трех до пяти слогов. К примеру

(-/--/--/--/--/--/
-/--/--/--/--/) (стр. 5).

Что такое **кордон** для поэта С. К. Шелкового, человека русского слова, но рождённого и живущего в Украине? Даже определение «границы», возведенной между двумя близкими народами, используется им в «родственном» старинном, древнеславянском звучании: кордон. На обложке книги, на снимке авторской работы, — виден перекресток полевых дорог, отсвечивающих одним и тем же суглинком... Словно бы окликается скрещение двух ветвей славян — близких и родственных.

Сколько нужно передумать, сколько переосмыслить, чтобы выразить желание на изломе лет не расстаться, а «додружить» с жизнью! Перелом сознания отражается в изменении мотивов стихотворений. Поэзия книги неизбежно задета происходящим сегодня: «Призаныть бы параллели /для хороя у скворца» да «надо бы побольше неба /звать с утра к себе во двор!», ибо мало и птиц, и небес стало в окружающем пространстве и особенно мало — **во времени**, занимающем такое значительное место в творчестве С. К. Шелкового. Не отсюда ли проистекает и мотив христианского смирения, призыва «Сей — сияние луча!»: «...А не порочу / ворога за то уже, / что не выклевал мне очи / в зимней распре на меже...» Да и враг ли это, — не спутник ли, современник? — если далее поэт утверждает, уже в словах прощения:

*Вот и вам, по стуже други,
Спутники по декабрю,
За те ж самые заслуги
«Спаси, Спасе!» — говорю.*

Чело века... Время и мы... Человек... Жестокость «шершавой десницы» времени... Тонкость переходной грани в «ледяную явь»... Ощущение чего-то безнадежного утраченного, что можно было сравнивать с «дарёным — в ранетах — днём», для поэта болезненно. Но и сейчас, в условиях, когда «рвут уже, как репку, рано / из сна — для яви ледяной», — всё равно цветёт давнезаветная лилия! А окликающая, из того же Завета птица, — «и знать не хочет про боязнь».

Самобытность поэта-пейзажиста, поэта-монументалиста ощущаема во всём: в «изгибе июльской лени», когда «выпит день, а закат докисает на дне», в наплыве весны на кордон, в теряющем память завтра, для которого поэт «рвётся уберечь фамильное слово и оставить чернил густо-синих»...

Анатолий Коньков, автор более пятидесяти песен на слова Сергея Шелкового, руководитель Харьковского театра музыки и поэзии, пишет в своём эссе «Не мешайте летать шмелю...»: «редчайшая... способность дать в стихотворении из пяти строф жизненную картину объёмом в целый роман, дар поэта-лирика писать о бытии и смерти прозрачной акварелью пейзажиста, всё это заставило меня выделить С. Шелкового из разноликого множества стихотворцев». С этими словами нельзя не согласиться!

Автор книги «На кордоне» — прежде всего гражданин, живая боль которого — искусственный разрыв взаимодействия двух народов:

*Что мне делать с моей патриаршей надеждой?
Приспустил волкодав прикордонные вежды.
И под шерстью его, под служивой одеждой,
Кровь пульсирует — алый мечтательный срам...*

И вот невесёлый фон прикордонных реалий сменяется воспоминаниями о далёком 1961-м, когда «играет виола каникул снежное что-то: Сибелиус, Григ?», когда «московские ночи дуют в метельный и бодрый рожок, ...пророча завтра, стальное, как дизель-двигок», а мысль взволнованна воспоминанием о судьбе девочки-одноклассницы, взволнована будущим своих сверстников... И вдруг слышится самгинское «был ли тот мальчик»? Воспоминания касаются десятилетий, помеченных постоянной тревогой холодной войны... И об этих же временах на соседней странице автор, «хорошист педагога Моргулис», произносит в ключевой и предельно личностной интонации: «и твержу на щербатом пороге: «Сущий грех мне бежать от греха!»

*Остаюсь. Средь стервятников важных,
На юру и на горьковском дне... —*

произносит он, как «несдавшийся воин», откровенные слова о том, что «не сдохло» в человеке, уцелело, осталось чистым.

В поэзии С. Шелкового важнейшими индикаторами изображения являются зрение, слух, вкус, интуиция, осязание. Но сейчас речь о том, что у автора зреет неутешительный вывод: «век — не по Сеньке». И он в почти отчаянном раздрае признается: «то матом клянупу — ни покрывки, ни дна, / то вновь до любви понижаю»... Говорит воистину из глубины души:

*Когда б и рискнул я на новый побег,
Убили б за старые деньги.
Убили бы за Достоевскую жизнь,
Холопством крапленое панство... —
Здесь блекнет и Босха, и Брейгеля кисть,
И время уходит в пространство.
Здесь всюду лишь ты, гробовая страна,
Которую с плеч не снимаю...*

Но поэт, сын своей обездоленной, разрушенной страны, вопреки всему остается верен ей: «лишь **здесь** для меня возделаны райские кущи!».

Задавая вопросы веку с «шершавою десницей» или самому себе, внимательно вслушиваясь в «партитуру, что выткана птицами на синеве полнозвучного лета», одарённый небывалым художественным видением и слухом, поэт размышляет о возможности «продлиться ... в паузе, фразе». Но уже в каждом неприметном тоне и обертоне жизни он счастливо способен к исцеляющему восприятию, когда, например: «нотами воздух пропах в изобилии, / как древесина флотов Страдивари» (стр. 23). С настроением автора меняется отношение к жизни, ритмика стиха становится более оживлённой. Теперь мерность представляется менее сложной и тяжеловесной, при главенстве архитектоники абаб:

(/--/--/--/--, /--/--/--/--) — клаузулы — дактилическая и паракситонная).

У жизни появляется цветность, полнится и крепнет надежда на возобновление и возрождение. Прочувствуйте, каким очарованием дорогого прошлого наполнен кадр стихотворения «Времена винограда!» (с. 30).

Это любимое место не отдыха, нет, дней нового творческого дыхания — Крым, где «пространства терпковатое вино втекает в губы разомлевшей розе». И какие тропы наблюдаем мы в творениях мастера! Вот «арбуз, чья алость отдаёт грехопаденьем», вот «простушка роза-джан, для зрения халва», вот «ритмически волнуется вода, и синий взор её не износился»... И несмотря на то, что недоверие к фатуму остается, даже безотносительно к делам державным («но будет непременно суп с котом / вослед прекраснодушным увереньям...»), душой поэта всё же правит чувство возрождения.

Варьирование чередований долгих и кратких слогов, волнистый а р у з — арабский такт — укладывается в следующий ритмический рисунок:

---/---/ Среди кипарисов зяблики спуют.
-/--/---/ Две трети жизни помнимый уют
---/---/ Где обновлень, где напрочь покосился.
-/--/---/ Но море необманно. Как всегда
-/--/---/ Ритмически волнуется вода,
---/---/ И синий взор ее не изнаосился.

1-я строка от 4-й перекликаются между собой, отличаясь одним безударным слогом,

2-я и 5-я связаны единством ритма, мелодически свиты меж собой 3-я и 6-я. Пазухи, изгибы синусоиды, уложились в архитектонику абвббв. Акцентность не укладывается в обычные схемы, т. к., например, ямба или хорей 1-й, 3-й, 6-й строк выбивается из пирихия. Дактиль осложнен. Это стихотворение-романс, стихотворение-объяснение, стихотворение-сожаление: «Но выпукла и вогнута, но смята / Картинка метафизики времён. / О, как молчит фамильный медальон / На шее, чей букет — простушка-мята».

И далее:

*А если б вы «Зачем?» спросили — есть
В ночах цикад «пленительная смесь!»
Но вы меня об этом не спросили...*

Как трогательна последняя строка! Как восхитительно отражены в ней душевные переживания у же подступающей влюбленности!.. «Уже» — потому что на какой-то период отодвинуты наслоения волнений, связанных с неизбежным фоном «века не по Сеньке».

Кордон, по Сергею Шелковому, — это «былое и думы», память и сомнения, параллели между мирами нынешними и прежними... Это неисчислимы «царапины на песне», «гулкие чичибабинские «ямбы о сгубленной совести» и «глумливые, похабные окрики всевластья» в «обнищальных дворах», где «хана и амба стучали в двери к тому, кто посмел»... Будто застыла земля под ногами поэта, о чем он с болью говорит: «время моё и не пахнет весной». Колорит его времени — не чистое лучезарное небо, «а дыма фабричные ключья» да скудость жизни. Метрически стихотворение «Борису Чичибабину» выглядит следующим образом: /--/---/ /--/---/ /--/---/ /--/---/ /--/---/ (четырёхстопный дактиль при смежной архитектонике абаб и комбинации рифм от точных до приблизительных, усиливающих взволнованность речи).

Теплом любящего сердца пропитано стихотворение, посвященное С. Шелковым старшей своей семье, Александре Ивановне, с которой поэт говорит воистину в интонации исповеди: «Тебя, подруга, в девяносто шесть/ Долблящую меня по телефону/. Когда б. писать воителя икону/, Твой твердый взор на этот случай есть/. Мала игла и спутан черный стог. /И был мне грех — я про-возжать учился.../Простите мне, о ком не помолился/, Или молился менее, чем мог!/
Сергея Шелкового, поэта-гражданина, в первую очередь, волнует процесс трудных перемен: «любуюсь отчизной в разобранном виде». Задеты честь, гордость. Чувства перехлестывают через край:

*...одиноко вдвоем, одиноко на людной гулянке.
Длится время во мне и снаружи. Подобному г о р ю
Не помогут дельфин говорящий и Ельцин на танке...*

Это в цикле «Письма с крымского балкона».

(--/--/--/--/--/),(--/--/--/--/--/). Куда девалось спокойствие, мелькнувшее было в стихотворении-зарисовке «Зелёной троицы венков» (-/--/--/--/ -/--/--/)? Строка удлиняется, состоит из пяти ударных слогов, начинается двумя и заканчивается одним безударным, что соответствует анапесту...

От раздела «Окна на улицу жён-мироносиц» (не от самого ли его названия!) ожидалось некое умиротворение... И оно, безусловно, присутствует — не просто спокойствием, но даже возвышенностью интонации (см. «Кириллыч держит Лозовеньки...», «С книгой», «На ходу»). Резко меняется тропность, светлее, ярче, одухотвореннее становится окружающий мир, даже и с его «жуликоватым народом» и «уколами глаз чертовских»... «У апрельской нежной воли / поцелуем пахнет рот», «апрель — касатик», «хорошо и беспринято в синем воздухе весны»... Город Киев здесь так жив и красочен, что хочется процитировать стихотворение более полно:

Ей, люблю его изломы, /Сгоны камня, дуги глин, /Круч воздушные хоромы — /Хлорофилл и кофеин!/ Ей, люблю жуликоватый/ Перемешанный народ,/ Что упрямой крайней хатой /В Золоты ворота прёт./ Сталинских, а то хрущевских,/Тортов каменных гряду/ И уколы глаз чертовских — /На беду ли? — На ходу...

Вы уже обратили внимание и на тональность, и на ритмику четырехстопного хорей: (/-/-/-/),(/-/-/)/ — абаб. В таком же ключе, например, написано стихотворение «Времена винограда».

Сергей Шелковский пытается запечатлеть неизбежный, подлый век: «Чтоб в слове это время отстоялось»(-/---/---/-), (-/---/---/)— абба. Он не готовит для века-волкодава «слов хвалебных кавалькаду». Отвечая «набором целительных настоек» своим оппонентам, не «ломает суставы для бенгальских поз»: Нам крепость фраз иная по плечу: / Пошло — так разом душу облечу! / По матери наш славянин и стоек, / Хоть не всегда устойчив по отцу.../

И тем не менее утверждение жизни доминирует: *Но озимь над блудилищем взойдет — И распашонку вновь малыцу пошили / Всё те же руки матери святой ./ Скажу: лишь этой кроткой красотой / Мы Господу глаза и освежили...*

Восприятие жизни в полифонности её божественной сути поэт передает не минорно-спокойным, а мажорным штрихом: «х л ы н у л и каштаны и сирень», например. Однако сколько грусти вкладывает он в упоминание о подлости человеческого фанатизма, сгубившую жизнь Александра Грибоедова, ставшего «алмаза персианского ценной»! Или в суждениях о Н. В. Гоголе: «Сегодня в кухне слова поневоле / над мерой той или иной крупы / дежурит тень скептического носа, / вдыхая запах едко-земляной/ и напатырь болотный. Два вопроса, / как дождь, висят над пишущей страной, / читающей всё меньше: «Что поделать? И кто, примерно, в смуте виноват?..»

Кордон ученого-физика С. Шелкового — переход по грани, «по стынущему слову поросшей репьем штрих-пунктирной черты» к иному метафизическому восприятию мира, к духовному становлению и возрождению веры в Спаса, на которого единственная надежда... Кордон — рубикон, открытие доселе закрытого, распахнутость божественных истин... «Не мнимо лишь то, что не глухо / в болтливом вещественном дне /...А жадных страстей оголтелость,/ поддельное славы вино? — / Не то, чтоб совсем расхотелось, / но стало почти всё равно..» (стр. 54) «Ангеле плавный мой! / Тем ты, боюсь, и хорош: / Крох не влачишь домой, / Красна вина не пьешь». (/--/ /, /--/ /, /--/ /, /--/ /).

Увы, невозможно не помнить о том, что Сергею Шелковому судилось быть поэтом антикультурного времени, времени сутяжничества и казнокрадства, унижения и разочарований, распада до минусового уровня... Но он — поэт милостию Божьей. Мощный аналитический ум, сохранивший святость человеческих чувств к родным и близким людям, к Родине (Украина и Россия!) Да, ему близки и дороги оба славянских народа с их родственными истоками. Как дороги они были Б. А. Чичибабину, Н. В. Гоголю... И, безусловно, многомерность и многоплановость метафор и срав-

нений С. К. Шелкового априори опирается на мудрость двух народов! Не говоря уже о знаниях и принятом им божественном поэтическом опыте...

Конечно, профессиональный литературовед непременно коснулся бы композиционных основ его поэзии, истоков его взлёта, проявив палитру цвета и света, тонов и полутонов, исследовал бы значительный пласт музыкальности его произведений, гармонию необыкновенного дара поэта, сумевшего воспользоваться предоставленными ему густыми мазками неба для изображения реальности, в том числе и дисгармонии современного исторического этапа нашей жизни.

Моя задача значительно конкретнее: показать читателю, пытающемуся познать толику художественного совершенства поэта, насколько велик мир его тонкой поэзии, мир необъятного я в л е н и я с именем «Сергей Константинович Шелковый». Волнует ли автора книги «На кордоне» вопрос о будущем своих произведений, об откликах грядущих поколений на его творчество? Безусловно, как любого нормального человека: «Есть, братец, время — имя не проспать». Но при этом ему претит голословное выпячивание собственных достоинств. Главенствует в сохранённости имени момент, в котором «рукописная страница / из прошлого не постыдится / промолвить: *честь имею, ч е с т ь !*» Но страсти рубежа веков таковы, что у поэта-гражданина прорывается и горькое восклицание: «Послать бы век — несчастный случай, убожества полуфинал!» Разительно отличие такого века от «берёз, чьи думы кротки», где «улицы — свода тополиного, гулко пустынного с утра», с мыслью: «И для размолвок с тишиною / мне все отрезаны пути. / Там вволю свежести и зноя. / Вздохни, что будешь не со мною, / но мне оттуда не уйти»...

Трудно представить, что смог бы сделать мощный талант С. Шелкового, будь век иным, будь «кордон» благополучнее, будь счастливее жизнь в родных координатах: «А Русь то чёрта сыщёт, то Балду...», «В широтах отчих надо чують за год / предательство небес и щедрых фраз», «Не киснет водка в русских магазинах», ведь «есть ночи нескончаемых невинных», которых «не отогреть» (-/-/-/-/-, -/-/-/-/-). Боль не только за Русь, но и за обездоленную «Украйну» звучит в словах: «А квитку любви заглушил зверобой под забором».... Вот какой тональностью отзываются строки здесь: (-/-/-/-/-/-/-).

Но ощутимо, что упреки — не в характере поэта. Он — борец! Стих его осознанно принимает на себя страдание и ответствен-

ность «...за бесславье и холода, / за тот век дарового труда, / в коем предан ученый краб / властолюбью надутых жаб», «за окраину, что Бог весть как жива»... Сравнивая себя и своего современника с «кошёлками земных забот по цене земляных работ», где «быль наша — нищенка и дура» (с. 86), Сергей Шелковый вновь и вновь пытается отвести читателя от негатива: «Не грусти, — повторю, — ж и в и / на заначку м о е й любви!» Задаче поэта перед аудиторией читателей и почитателей отвечают и строфика, и квантитативность... Вслушиваясь в наиболее характерный ритм его поэзии, приходишь к выводу, что, как и подобает, в мажорных ситуациях он иной, а в сердцеvine стихотворения вдруг появляется обратный мелодический ряд:

(---/---/, -/---/-, ---/-/-
---/---/, -/---/-, ---/-/-)

Выше уже упоминалось об отношении автора книги поэзий «На кордоне» к вопросам *религии*. Анализируя работы С. Шелкового харьковский литератор и журналист С. Минаков отмечал: «Невоцерковленный человек, Сергей Шелковый — религиозный поэт. Есть у него и стихи о Будде, есть мощный ветхозаветный отсыл, видимо, тоже идущий от Мандельштама (разумеется, не только от него), своё, славянско-розановское переваривание темы, плоти...» В другом месте читаем у него же: «...поэт приходил в мастерскую в большей мере к двоим: Осипу Мандельштаму и Борису Чичибабину. От первого он потрясённо усвоил способность соединять в речи несоединимое, вживаться, вгрызаться в плоть слова и *созидать сложную образность*, «осуществлять крутой словесный замес», а от второго — с которым Шелкового связывала и земная дружба — принял высокую нравственную, *сострада-тельную, христианскую ноту с аввакумовым, страстно указующим перстом*»... (Выделено мной, Л. Л.). Безусловно, личности и школы повлияли на становление С. Шелкового. Я бы добавила сюда и имена Арс. Тарковского, и И. Бродского... Но только ли опираясь на мастерство того или другого предшественника достигает наш поэт своих вершин? Утверждаю: дарованное небесами, помноженное на титанический труд человека-творца, на окружающий реальный мир, «*слой откровенья которого так тонок*» (с. 80), — и только потом уже оглядка на мастерство даровитых соратников по перу, — неустанная, не останавливаемая ни на день работа — эти составляющие при обширнейшей умственной деятельности являются константой его успеха, стержнем отличительных, несравненных его качеств.

Кстати, поэт Владимир Соколов утверждал примерно следующее: никаких школ, кроме совести, нет. «Кем я по бездорожью ведом?» — не лучшее ли доказательство? (См. Главу «Средь зелени белея»). Дальше поэт отвечает: «Словом пьяным, самим же собой», «Вот путь мой — солнца щедрая мазня / В занудном чертеже не больше сути». О его духовных началах красноречиво свидетельствует «Храм над Воронежем», где он снова-таки в первую очередь — художник, и не только мастер слова, но и живописец твёрдой руки: «Церковь лебяжья», «моет крылья в пруду», а на встречу — «скорбно-земные глаза» Андрея в Иверском храме, «вечного ребёнка, краткого гения бронь».

Что же является исцеляющим светом, на который летит душа поэта?

Ответ устоявшийся, обдуманый, выверенный реалиями. Для С. Шелкового свет — «образа, российская литература и русской женщины глаза». И когда сердце угрюмо сжимается, давит «накипевшее», мысли поэта устремлены к высшему, духовному: «Богородица-матушка, русая Мавка-сестрица, лишь при ваших слезах накипевшую соль и смываю». Кстати, украинизмы, применяемые автором в текстах, пусть и нечасто встречаясь, всегда только обогащают звучание стиха: коханка, хмарочёс, купы, шукает, бо, кохаю, квитка...

Но едва ли не главная, исповедальная тема, вложена С. Шелковым в мощное энергетическое поле стихотворения «Наказание». Когда-то в дневник я выписала из труда «Письмо и различие» Жака Деррида характерную фразу: «Говоря, я испытываю страх, поскольку, никогда не сказав достаточно, всегда при этом говорю лишнее».

Приведу «Наказание» полностью, так как комментарии будут бледными по сравнению с ним:

/Прогневил я, видно, Господа./Да и как не прогневить?/— Ноги сбив о землю досыта,/ Шел я вброд и рвался плыть/. Не смирялся, знать, упорствуя./ А вольно бы — сизым стать,/Зоб набить пшеничной горсткою/, прогудеть про благодать/. А не то — прильнуть сучарою/ К голенищу палача/, Жить вовсю игрою старую —/, Рушить головы с плеча.../ Да с башкой волкодавьею/ И с метлою у седла/ Проскакать Святою — славь её/, Чтоб себя пережила!/ Только вслед дождю небесному, — / Глубь любил я, а не прыть/, Мнил я миру полутрезвому/ «Да» и «нет» не говорить/. Вот и взят по праву ржавою/, Темно-бурою землей,/ Пятернёй её шершавою/ С фиолетовой змейей.../ Прогневил — секи по проседи/, Отдери от кожи стих!/ Но

*не мсти — не тронь, о Господи,/ Малых порослей моих! — /Сбереги
мне чистолистное / Теплокровное дитя,/ Ветродуями и свистами/
В буерак меня смета./ Плоть противится закланию./, Но в суде
Твоем смолчу,/ Протяну в чернилах длани я/ Дознавателю-врачу./
И в утробе, и во гробе я/ Не мину твоих теснин./ Вот он я — Твоё
подобие,/ Господи! Земной Твой сын./*

Духовность — понятие многомерное. И у каждого оно обозначает что-то личностное, выделяемое из общего, но являющееся и важной составной его частью. Не зря же говорят: «Человек — целый мир». А жизнь по Шелковому — «высокий стиль и низкая интрига». По мнению поэта при таком раскладе «духовность... — со жлобским пистолетом / не в силах биться, но при всём при этом / почти последним остается светом / во мраке том, где сердцу невтерпёж...» (с. 123). А «доктор давно прописал / нехитрое снадобье — огненный спиритус веры» (с. 129).

В молодости меня трудно было оторвать от попавших в руки стихов Е. Евтушенко. Зная о моей увлечённости, подружка приносила то газету с его стихотворением, то книжечку... И вот однажды я в обычной районной библиотеке нашла его стихотворение и, потрясённая его словами о глубине и незамутнённости вкривь и вкось пробитой лучами волны, (когда, кажется: руку протяни — достанешь дна, на котором виден каждый камешек), тут же переписала его в тетрадь, выучила, но потом, с течением времени, позабыла о нём. Но вот «Наказание» С. Шелкового всколыхнуло мою память, так как в основе смысла своего оно как бы переключается с тем, давним впечатлением от евтушенковской Ангары, всё же являясь и стихотворением-криком, сожалением, болью, стихотворением, определяющим **ещё один, пожалуй, с а м ы й важный для поэта, источник земного с в е т а : благополучие любимых людей.** Ритм «Наказания» — осложнённый четвёртым слогом анапест --/--/--, --/--/--, --/--/--, --/--/--.

Хочется снова вспомнить и, казалось бы, совершенно незначительный момент из жизни поэта С. Шелкового. Случайно купленная им книжица, поставленная на дальнюю полку, вызвала у него множество эмоций в момент её прочтения спустя многие годы, о чём у автора книги «На кордоне» написан изумительный «Этюд»:

*...И поздняя нота
слетела с примятых страниц;
минорный этюд укорота —*

*не хлѣтко играемый блиц,
но медленный ум партитуры,
где горией гиблой в миру
иные чернели фигуры,
иные же прядью Лауры
светились мертвь, белокуры...
И вновь начинали игру.*

Жизнь с её неисчислимостью побед и поражений не заканчивается, ведь игра начинается снова, пробиваясь сквозь редкие «просветы меж злом и полным злом» (с. 113). «Что-то, смявшись остается, / несмотря на передряги, / распрямляется, смеётся, / и для губ есть капля влаги». Чертежи судеб непредсказуемы, известны лишь силе небес... Но вот что интересно: спросите у Сергея Константиновича Шелкового, что он думает о поэте и поэзии, получите ответ, включивший в себя многозначительные ритмы его души: «Стихи, как наложение перстов на лоб и грудь, есть таинство...» (с. 127)

Хочется, чтобы поэт Сергей Шелковый воспринимался Вами, любезный читатель, не только борцом за глобальные идеалы, но и любящим мужем и отцом, чему вы найдёте не одно свидетельство в книге «На кордоне» (например, великолепная «Резьба по камню», «В городе N», «Куст шиповника», «На юбилей Alma mater» из главы «Чашка волчьего молока»).

Окунитесь в заветы его человечности, насладитесь богатством истинного художника слова!

2010 г.